



Inside title page of book:

SPAS KRALEVSKY

Eyes

Which

Question

(Diary of a teacher)

Translated from Bulgarian by Irina

Avramova

Publishing House of Literature in

Foreign Languages

Library

Bulgaria

Sophia, 1962



COMMISSION EXHIBIT 111

Так и случилось. Бабушка Дарья каждый день ходила на виноградник и посылала Филиппу еду. Ее никто не мог заподозрить, так как все жители городка знали о том, что она очень любит поспать там под своими липами.

Я виделся с Филиппом всего два раза. Первый раз, когда занес ему газеты с последними вестями с Восточного фронта, и второй — через месяц, когда Филипп уже поправлялся. Хотя я и знал партизанские правила, все же спросил его, куда он пойдет. Сердце не позволяло мне молчать, да и погода изменилась к этому времени: стало холодно, небо набухло от серых туч и уже пахло снегом.

— Я знаю, куда мне идти. Вы не беспокоитесь! — улыбнулся Филипп. — До свидания, товарищ учитель.

— До свидания, Филипп!

И мы крепко пожали друг другу руки.

14 НОЧЬ КОНЧИЛАСЬ

И вот опять пришла весна. Река всею друною среди распутившихся верб. Со всех дорог понесся упоительный запах цветущей сирени. Холмы, окружавшие город, покрылись густой зеленью, среди которой бежали цветущие деревья. По улицам застучали телеги, в которых неслась яркая косянки женщин, — люди с раннего утра выехали в поле.

Как весна и эта весна бурно ворвалась в классы гимназии. Опять появились замечания в журналах, были и более чувствительные наказа-

ния из-за цветущей сирени и пышно азбитых кудрей учениц. Наказания были и Димо с Латинкой, но на этот раз он не сердился. Почти каждый день я встречал их вместе, и это радовало меня, потому что непостоянный Димо сейчас проявлял постоянство.

Но было в этой весне и нечто, отличающее ее от других весен. С Восточного фронта долетали до нас радостные вести: гитлеровские войска продолжали сужать боевые линии. Иногда по нашей улице шло нечто, — одна проносилась какой-нибудь немецкий грузовик, в котором сидели мрачные солдаты в серых касках. Никто не поднимал руку для приветствия.

Однажды на площади мне повстречался бай Куман. Помакая рукой, он подошел ко мне.

— Здравствуй, учитель!

Лицо его было, как и прежде, прикурну от моей папиросы, затановилось с наслаждением и взглянув на меня своими глубокими синими глазами, сказал:

— Скоро бай Куман опять откроет свою харчевню, скоро соберет своих орлят. Выше голову, учитель!

Я понял, на что он намекал. Ему хотелось сказать мне еще что-то, но в это время послышался звон шпор — на площади показался ланкайник полиции.

— До свидания! — сказал бай Куман, попрощавшись, и ушел.

Уны! Это была наша последняя встреча.

Вскоре произошли события, от которых весь наш городок оценил. Но сначала я расскажу

о том, какой циркуляр мы получали из Министерства просвещения: это было что-то чудовищное, небывалое в истории нашей культурной жизни.

На заседании педагогического совета директор был мрачен как туча. Он долго поправляла свои манжеты и перекашывал из руки в руку листок бумаги — словно хотел освободиться от него. Но циркуляр есть циркуляр, надо было прочесть его. И директор прочел...

Министерство просвещения запретило праздновать день Кирилла и Мефодия. Было невыносимо тихо. Все молчали и переглядывались друг с другом. Да же и Абдежнев с главным оустили голодом и не произнесли ни слова. После этого совета мы вышли из учительской как с похорон.

Какой уж тут урок! сидел за столом и, глядя на учеников, с грустью вспоминал свои школьные годы. В классах все начинено до блеска, а мы плетем венки. И с такой радостью украшаем ими портреты солдуских братьев! Вокруг нас разбросаны всевозможные цветы — словно под забрызган всеми красками поля. Запах кружит голову. И сильнее всего — аромат сирени — через открытые окна льется майское солнце. Из соседнего класса доносится: «Вперед, народ наш возрожденный...» — какая чарующая песня! — ней будто собрано все самое лучшее, из пережитого нами в школе!

Варвары! Как мы могли это сделать! Мы любите бить себя в грудь и говорить, что только мы — подлинны болгары. Неужели ничто не дрогнуло

в нас? Не вспомнились ли вам первые дни в школе, когда мы с радостью читали по складам славянскую азбуку солдуских братьев? Тогда застала наши глаза, а камни превратились наши сердца! Живые трупы!

И все же урок есть урок!

Сегодня обязательно прежде всего спрошу Веселину Микову. Ведь Филиппа и Динки нет. А мне так хочется именно сейчас услышать голос разума.

Спокойно, уверенным шагом выходит Веселина к доске и, взглянув на меня своими открытыми глазами, начинает говорить.

Отлично, Веселина! Второй раз я уже ставлю тебе отлично. А сейчас не только за урок, но и за то, что вы взяли в свои руки руководство гимназическим обществом по противопожарной защите.

Все учителя знали, что между легионерами и бранниками* с одной стороны, и прогрессивными учениками гимназии — с другой, шло отчаянная борьба за овладение руководством общества. И вот Веселина настояла, чтобы все прогрессивные гимназисты платили членские взносы. Потом они устроили собрание и приняли решение, что участвовать в выборах руководства имеют право лишь те, которые регулярно платят членские взносы. Победили прогрессисты.

— Отлично, Веселина! Садись.

Все так же спокойно не спеша, она направляется к своему месту. Я смотрю на ее профиль. Орлиный нос, волевой подбородок. Задумчивый, сосредоточенный взгляд.

* 24 мая — день славянской письменности

* Легионеры и бранники — члены молодежных фашистских организаций в Болгарии